

своей позицией в кабинете министров, подчеркивая свою роль «заложника демократии»⁷, но сам Керенский на этот счет никаких иллюзий не питал. Он всегда подчеркивал свою «надпартийную» позицию, как «человека со стороны»:

«Я всегда говорил от себя, от собственного имени и ни с кем не был связан. Так было в 1912 г., когда я вошел в Государственную думу, несмотря на решение моей партии о бойкоте выборов. Так было и во время моей работы в Думе, и во время войны. Так было в 1917 г., когда я вошел во Временное правительство, *несмотря на решение Петроградского совета*, органа революционной демократии, которым руководили обе российские социалистические партии»⁸.

Связи между советской и цензовой демократиями переплелись в gordiev узел, поскольку тот же самый министр, который представлял Совет среди цензовых лидеров и цензовых лидеров в Совете, был членом центральных органов обеих демократий, но при этом всегда утверждал, что имеет право действовать против воли тех и других.

Глава 7

РЕВОЛЮЦИЯ И РАБОЧИЕ

Русская революция разразилась внезапно и стихийно. Многие поколения борцов страстно жаждали ее, верили в нее и ради нее жертвовали всем. Даже более широкие массы связывали с ней свои глубочайшие надежды и упования. Каждый класс по-своему мечтал о революции, видя в ней начало новой жизни.

Но самые большие надежды возлагал на революцию городской пролетариат. Его наиболее просвещенная часть, прошедшая сухую и жесткую школу марксизма, гордилась своей свободой от всех утопий. Эти люди действительно были социалистами из социалистов. Но социализм для них являлся результатом долгого исторического пути, в ходе которого нельзя было произвольно пропустить естественные фазы органической эволюции. Первой фазой социализма для них была демократизация фабричного производства в демократическом

государстве. В этих условиях рабочие должны были стать интеллектуально зрелым общественным классом, политическим авангардом трудящихся, обладающим всеми правами, классом, которому суждено во время естественного заката капитализма выполнить великую историческую миссию, революционную и созидательную одновременно.

Данное мнение преобладало, как минимум, среди наиболее квалифицированных рабочих. Но в свете хаотического и буйного развития русской революции результат долгой эволюции казался далеким, как мираж. Неудивительно, что рабочие начали задумываться: возможно, этот «мираж» сам стремится воплотиться в действительность.

Процесс переоценки ценностей начался с первых дней революции.

После нескольких революционных недель в рабочих районах возникла поразительно противоречивая ситуация. «Кто был никем, тот стал всем», но это «все» было фактическим, а с точки зрения закона пролетариат по-прежнему оставался «ником».

Можно не говорить, что царская Россия понятия не имела о «новых фабриках», владельцы которых были бы не азиатскими деспотами, а «конституционными монархами», связанными с судьбой своих «подданных», рабочих, системой «основных законов», предусматривавших заключение коллективного договора. В дореволюционной России владелец предприятия пользовался теми же правами, что и «хозяин в собственном доме»: это был скорее социальный, чем юридический феномен. Русская буржуазия настаивала на том, что в России связи между трудом и капиталом являются «патриархальными» и не требуют регулирования или вмешательства со стороны.

Самодержавная власть царя над страной и владельца над фабрикой прекрасно уживались и дополняли друг друга. Создание на фабрике «профсоюза» и даже проведение какого-то «согласованного действия» расценивались как «бунт»; так, в стране, где граждане обязаны присягать на верность верховной власти, даже коллективная подача петиции считается государственным преступлением. Сохранились документы начала XIX в. о привлечении к военному суду делегатов, выбран-

ных рабочими для подачи царю жалобы на своего работодателя. За «самовольный уход от своего командира» и «докучение» священным особам императорского рода «придуманнми жалобами» их приговорили к «битью кнутом, вырыванию ноздрей и пожизненной каторге» взамен «смертной казни через повешение». Даже в начале 1870-х годов существовали фабрики с настоящим рабским трудом, на которых действовали утвержденные его величеством «правила поведения фабричных рабочих». Эти правила предписывали рабочим «беспрекословно слушаться распоряжений хозяина» не только в мастерских, но и в «жилых помещениях», то есть рабочих бараках. Существовала изошренная система штрафов, налагавшихся «местной администрацией, старшинами, надсмотрщиками и сторожами».

В канун XX в. Россия еще не знала о свободе стачек и рабочих союзов. Тайные циркуляры правительства объявляли наказуемыми даже «призывы воспользоваться своими законными правами с помощью насильственных или незаконных способов» (циркуляр от 5 декабря 1895 г.). Работодателям запрещалось делать уступки рабочим под «незаконной» угрозой стачки. Политическая полиция, которая в России была «государством в государстве», с пеной у рта протестовала против очень умеренных проектов Витте легализовать рабочие организации и забастовки. С другой стороны, программа Зубатова, знаменитого начальника московской политической полиции, предусматривала создание комитетов псевдорбочей организации на каждой фабрике; общий надзор за «зубатовскими» комитетами поручался тайной полиции, которая для этой цели должна была вербовать агентов среди рабочих. Все это делалось для борьбы с революцией силами несознательных и консервативных элементов внутри рабочего класса.

Лишь в начале XX в. (точнее, в 1903 г.) российская законодательная система создала первый легальный канал, с помощью которого рабочие могли передавать свои требования работодателю. Таким каналом стали «фабричные старосты». Но эта попытка была настолько жалкой, что рабочие бойкотировали выборы и презрительно называли закон о фабричных старостах «законом о фабричных привратниках». Револ-

люция 1905 г. во время беспомощности правительства и нерешительности фабрикантов заложила основы трудового законодательства, предусматривавшего выборы фабричных комитетов и создание зародыша коллективного договора. Но потом началась контрреволюция. Рабочие организации пришли в упадок. Воинствующие ассоциации капиталистов (в 1907 г. их насчитывалось 120) запрещали своим членам сокращать рабочий день, позволять рабочим депутатам вмешиваться в решение вопросов найма, увольнения и оплаты труда рабочих, но главное — соглашаться на оплату в прямой или замаскированной форме времени, потерянного за период забастовки. Для страховки эти ассоциации требовали отчетов от своих членов и штрафовали последних, если те сдавались или шли на уступки. Завоевания периода революции постепенно терялись. К этому добавлялось систематическое уничтожение рабочих организаций полицией.

Против забастовщиков все чаще применяли локауты. Фабриканты Лодзи опубликовали специальный меморандум, в котором говорилось: «История локаутов показывает, что только второй и третий локауты принуждают рабочих к покорности». В революционном 1905 г. рабочие проиграли 30% забастовок, в 1906-м — 34%, в 1907-м — 58%, а в 1908-м — 68%. Увольнения и аресты рабочих депутатов полицией стали нормой. Продолжительность рабочего дня вернулась к до-революционному уровню и составила 10—10,5 часа. «Казалось, наши рабочие увидели луч солнца, но это продолжалось недолго. Наиболее передовых рабочих уволили. Все как прежде» — такие отзывы с мест печатались в каждом номере подпольных газет.

Новый подъем рабочего движения начался лишь перед самой мировой войной. В 1911 г. рабочие проиграли 51% забастовок, в 1912-м — 41%, а в 1913-м — только 31%. Количество забастовок, которое в 1909—1911 гг. колебалось от 300 до 400 (с общим числом участников в 1910 г. 46 000), снова возросло до 2000, а ежегодное количество их участников составляло от 725 000 до 860 000. Однако эти достижения не успели привести к модернизации структуры российской промышленности, так как вскоре началась мировая

война. Дальнейшая эволюция фабричного производства оказалась простой. Сначала правительство задумало грандиозную бюрократическую утопию: сделать всю военную промышленность государственной монополией, которая могла бы обслуживать любые потребности обороны без помощи частных и гражданских предприятий. Методы создания этой монополии иногда были просто абсурдными. Родзянко рассказывает, что однажды он столкнулся с толпой людей, которых гнали на сборный пункт под конвоем, как арестантов. Он выяснил, что таким странным способом опытных сапожников «мобилизовали» шить сапоги для армии! Только в мае 1915 г., когда фронт остался без обмундирования, сапог и патронов, банкротство этой бюрократической аферы заставило правительство вновь воспользоваться объединенными услугами частной промышленности. Добровольная мобилизация последней началась благодаря усилиям военно-промышленных комитетов, целью которых было приспособление российской промышленности к нуждам национальной обороны, устранение конкуренции и наиболее рациональное распределение военных заказов. Неспособность правительства справиться с этой задачей и его обращение к частному капиталу неизмеримо повысили уровень самосознания российской буржуазии. «Торгово-промышленный класс двадцатого века, — писал профессор Сторожев в «Новостях Московского военно-промышленного комитета», — больше не является кошельком, из которого государство может брать столько денег, сколько ему хочется, расплачиваясь случайными титулами, орденами или дарованием потомственного дворянства... В великой европейской войне торгово-промышленный класс действует как реальная сила, которой по плечу задачи и старого бюрократического режима, и нового периода»¹.

Однако серьезных разногласий со «старым бюрократическим режимом» у промышленников не имелось: это были чисто семейные ссоры. Зато «задачи нового периода» от такого альянса сильно страдали. Во-первых, рабочие, подлежавшие призыву на военную службу, были прикреплены к заводам, работавшим для нужд обороны. В случае забастовки им грозила отправка на фронт. Во-вторых, согласно статье 87, в слу-

чае объявления чрезвычайного положения трудовое законодательство отменялось, рабочий день удлинялся, а также допускалось привлечение к труду женщин и детей. В-третьих, промышленники широко использовали рабский труд военнопленных. Наконец, практиковалось использование в качестве рабочей силы «желтых» — китайцев и корейцев. Однако этого было недостаточно: правая пресса рьяно готовила общественное мнение ко всеобщей милитаризации промышленных рабочих. Фабрика должна была превратиться в казарму с абсолютно воинской дисциплиной; фабричные администраторы получали все полномочия офицеров и имели право командовать рабочими как солдатами. Согласно законам военного времени, тех, кто прекратил работу, можно было заставлять возобновлять ее силой. Но милитаризация военной промышленности таила в себе еще более страшную угрозу: на фронте уже ввели телесные наказания!

Среди рабочих началось брожение. Роль предохранительного клапана сыграли фабричные выборы делегатов в Рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета. На Втором съезде военно-промышленных комитетов эта группа обратилась к работодателям, указав, что все воюющие страны приняли меры по поощрению участия рабочих в национальной обороне. Были расширены функции кооперативных и тред-юнионистских организаций: первые участвовали в регулировании национального потребления, вторые — в оптимизации использования трудовых ресурсов. Группа призвала российских промышленников покончить с традициями фабричного феодализма и предложила решить вопросы, жизненно важные для рабочих: признать право последних на создание профессиональных союзов и арбитражных органов для решения трудовых споров, а также на сопротивление «милитаризации» фабрик. Однако она потерпела полное поражение. Правительство и предприниматели всего лишь попытались оживить мертворожденный закон о фабричных старостах, сделав последних частью фабричной администрации. Одновременно правительство закрыло профсоюзы печатников и металлургов — единственные ростки российского тред-юнионистского движения, находившегося в зачаточном состоянии.

Предложение Рабочей группы о создании арбитражных органов было отвергнуто министром торговли князем Шаховским вплоть до решения вопроса о легализации рабочих союзов. Попытки группы выступить посредником в конфликтах на заводе Лесснера и Николаевских военно-морских верфях были отвергнуты заводскими администрациями. Кроме того, она оказалась совершенно не способной предотвратить отправку забастовщиков на фронт после конфликтов на машиностроительном заводе Нобеля и Адмиралтейских верфях. Это объясняет переход Рабочей группы к более радикальной тактике и ее призыв провести массовую демонстрацию в день открытия Думы, после которого члены группы были арестованы. Только этот арест спас группу от полной потери доверия у рабочих масс.

Такой была ситуация в промышленности перед революционными днями февраля—марта 1917 г.

Стачки, которые проходили то здесь, то там во второй неделе февраля и распространились повсеместно между 23 и 25 февраля, внезапно перешли во всеобщую забастовку. Поскольку забастовка была вызвана не столько конфликтами на фабриках, сколько отсутствием хлеба и политическими проблемами, она касалась полиции и правительства; при этом фабричная администрация почти всюду оставалась в стороне. В некоторых местах (например, в Колпине) фабрики были закрыты временно, якобы «для проведения ревизии». Реже на заводах (например, Путиловском) объявляли локауты и закрывали их «на неопределенный срок». Когда борьба достигала накала, администрация обычно отступала, а если на фабрику вторгалась полиция, которую встречали градом камней, все руководство тут же исчезало. Во время революционных недель рабочие районы были военной базой восставших. Некоторые фабрики становились крепостями рабочих. Администрация старалась «держаться от греха подальше», и рабочие чувствовали себя единственными хозяевами предприятия. Такая ситуация оказала сильнейшее влияние на самосознание фабричного пролетариата. Контраст между нынешним состоянием вещей и предшествующим режимом «военно-промышленного феодализма» был разительным. Именно он стал глав-

ным вопросом революции, требовавшим немедленного решения. Цензовое правительство абсолютно не понимало ни его насущности, ни его сложности. Однако было ясно, что дореволюционная фабрика представляет собой анахронизм, не приспособленный к новой эре, и что рабочие, совершившие революцию, больше никогда не подчинятся царским законам о труде. Поэтому им следовало немедленно гарантировать принятие новой системы отношений между трудом и капиталом, пусть временной и неполной. Все понимали, что без этого рабочие на фабрики не вернуться. Хаос, безвластие, постоянные конфликты между рабочими и администрацией стали бы правилом и спровоцировали бы партизанскую войну в промышленности.

5 марта Совету рабочих депутатов хватило смелости призвать к немедленному возобновлению работы промышленных предприятий. Если бы солдаты, которые раньше были вынуждены идти в бой с пустыми руками по вине Сухомлинова и компании, оказались в том же состоянии уже по вине революции, это нанесло бы последней смертельный удар. Но Совет понимал, что возвращение на фабрики не может означать принятие дореволюционной фабричной системы. Председатель Совета Чхеидзе поставил все точки над «i»:

«На каких условиях мы можем работать? Было бы смешно возвращаться к работе на старых условиях. Пускай буржуазия знает это... Вернувшись на фабрики, мы тут же начнем думать, на каких условиях будем работать».

Петроградская ассоциация промышленников, столкнувшись с произвольными решениями рабочих о продолжительности рабочего дня и присвоением ими права увольнять управляющих, приняла важное и разумное решение: проконсультироваться с Советом и решить дело миром. Иметь дело с фабрикантами, привыкшими к тому, что на своем предприятии они являются полными хозяевами, было нелегко, но против революции они оказались бессильны. 2 марта центральный орган российской торгово-промышленной буржуазии, Совет съездов представителей торговли и промышленности, предупредил весь торгово-промышленный класс страны и все его организации о «необходимости уступок», одновременно призвав «забыть

партийные и общественные разногласия и сплотиться вокруг Временного правительства».

По соглашению между Петроградским советом и ассоциацией промышленников наконец были созданы арбитражные органы с равным участием владельцев фабрик и рабочих. За фабричными комитетами официально признали право представлять интересы рабочего коллектива во время переговоров с владельцами фабрик и органами государственной власти. Но главным достижением стало немедленное и безболезненное введение восьмичасового рабочего дня.

Это важное завоевание Совета было встречено с огромным энтузиазмом. Оно обеспечило Совету беспрецедентную популярность среди рабочих, надолго повысило его авторитет и облегчило выполнение предыдущего решения о возвращении к работе, которое крайне левые (особенно большевики) уже пытались сорвать. Возглавлял сопротивление Организационный комитет Московского района Петрограда: он отложил окончание всеобщей забастовки на несколько дней в знак протеста против отказа позволить решать этот вопрос самим районам и промышленным предприятиям. Фабрика «Динамо» вновь и вновь повторяла, что «не подчинится Совету и не будет сотрудничать с ним», так как всеобщую забастовку нельзя прекращать, пока прежняя власть не уничтожена полностью и не приняты меры для окончания войны; в настоящих условиях возврат к производству средств мировой бойни для рабочих неприемлем. Однако все эти попытки оказались безуспешными. Во время первой баллотировки тысяча сто семьдесят делегатов против тридцати проголосовали за немедленное возвращение к работе; во время второй против возврата к работе проголосовало всего пятнадцать человек.

Последующие события подтвердили правильность этого решения. Оглушительная победа советской демократии в вопросе о восьмичасовом рабочем дне должна была вызвать контратаку. Многие фабриканты были недовольны соглашательской политикой Петроградской ассоциации промышленников. Они снова начали энергичную подрывную кампанию, объединившись с теми, кто был недоволен переворотом, но боялся вы-

ступать открыто и жадно ждал первых признаков раскола в лагере победителей.

Современник пишет об этой антисоветской кампании:

«Агитация велась на каждом углу. В течение последних десяти дней [марта. — *Примеч. авт.*] на улицах, в трамваях, в общественных местах можно было видеть рабочих и солдат, яростно споривших между собой. Доходило до физических стычек. Положение становилось все более тревожным.

Конечно, рабочих обвиняли в чрезмерных требованиях, в абсолютном нежелании работать и в игнорировании интересов фронта. Как ни странно, главной причиной волнений стал восьмичасовой рабочий день. Любители ловить рыбку в мутной воде спекулировали на том, что мужик в серой солдатской шинели якобы не способен понять это требование пролетариата. На фронте или в деревне таких требований не предъявляют. А эти фабричные лодыри, не желающие работать, наслаждаются жизнью, пока другие гниют в окопах!

Солдаты требовали передать им управление фабриками и даже угрожали рабочим репрессиями. «Ужо погодите, — слышалось повсюду, — мы придем в цеха и покажем вам, где раки зимуют. Поставим за спиной каждого лодыря солдата с ружьем, и если что не так...»

И верно, на фабрики начали приходить вооруженные солдаты, проводившие осмотры и применявшие силу. С этой целью в город начали прибывать группы солдат из ближайших гарнизонов и даже из действующей армии. «Натравливание одной части народа на другую» едва не достигло своей цели. Серьезных эксцессов можно было ждать с минуты на минуту².

Какие чувства это вызывало на фронте, видно из отчета комитета 1-го армейского корпуса. Командир корпуса генерал Булатов направил всем командирам полков следующую телеграмму:

«Белья нет: оно будет доставлено только в середине апреля, да и то в половинном количестве; нет обмундирования, оно не доставлено из тыла; табак тоже не подвезли. *Объявите все это солдатам, объясните, что рабочие в тылу работают очень мало. Дисциплина в полках зависит исключительно от ваших действий*».

Комитет расценил эту телеграмму как попытку натравить солдат на рабочих. Особенно подозрительной показалась ему фраза о необходимости поддержания «дисциплины в полках». Спрашивается, для чего она была нужна?

Слухи множились и оказывались лживыми. Две известные московские газеты, «Русское слово» и «Русские ведомости», сообщили, что гарнизон Царского Села, состоящий из 75 000 штыков, протестовал против введения восьмичасового рабочего дня.

И тут проявилось истинное значение решения Совета о немедленном возвращении к работе, несмотря на большевистскую демагогию. Совет разрешил работодателям с согласия фабричных комитетов увеличивать продолжительность рабочего дня с оплатой сверхурочных. Представители Совета встречали все солдатские делегации, провожали их на фабрики и предлагали самим убедиться, что рабочие находятся на своих местах и не отлынивают от работы под предлогом продолжения революции; случайные перерывы объяснялись отсутствием сырья или топлива; восьмичасовой рабочий день означал не отказ от изготовления боеприпасов и амуниции для фронта после восьми проработанных часов, а всего лишь дополнительную плату за сверхурочное время. Советская демократия вела активную контрпропаганду с помощью публичных заявлений солдатских делегаций, посещавших фабрики, совместных митингов рабочих и солдат, резолюций и воззваний рабочих к солдатам, посылки агитаторов в казармы и т. д. В этом отношении характерной является резолюция Минского съезда фронтовиков, гласившая, что «буржуазия клеветает на рабочих». В результате первая атака на советскую демократию была успешно отбита; двухнедельный раскол между рабочими и солдатами закончился тем, что армия поняла вражеский маневр, предпринятый с целью разжечь пламя братоубийственной вражды в самой революционной цитадели и таким образом покончить с революцией.

Введение восьмичасового рабочего дня позволило Совету одержать тройную победу. Во-первых, оно было большой уступкой со стороны работодателей. Во-вторых, оно повысило авторитет Совета и подорвало позиции ультралевых, демаго-

гически призывавших действовать анархически, без руководства «рабочего парламента». В-третьих, оно укрепило связь рабочих и солдат, которую пытались разорвать тайные враги обоих.

Но у первых победоносных шагов советской демократии было два недостатка.

Во-первых, соглашение о восьмичасовом рабочем дне было чисто местным, петроградским достижением. Утвердить его в масштабах всей страны можно было только правительственным декретом, а для этого требовался совсем другой состав Временного правительства. В Москве ничего подобного не было; московские предприниматели заявили, что они отказываются подписать такое соглашение не из личных (то есть классовых) интересов, а как «граждане», понимающие, что стране «катастрофически не хватает товаров первой необходимости» при «растущих потребностях армии и народа». У Московского совета не было выбора; ему пришлось прибегнуть к способу, предложенному большевиками, но отвергнутому Петроградским советом: «предписать» рабочим после восьми проработанных часов покидать фабрику, то есть установить восьмичасовой рабочий день явочным порядком. В результате рабочее движение разделилось на две части. В Саратове, Симферополе, Ярославле, Омске, Одессе и др. победила «петроградский» способ; в других городах, где сопротивление фабрикантов было особенно упорным, переходили к «московскому» способу. «Как только до Харькова докатился слух, что в Петрограде ввели восьмичасовой рабочий день, там встал тот же вопрос. Хотя Харьковский совет был в принципе против введения восьмичасового рабочего дня силой, ему пришлось разрешить то, что уже делалось без его согласия». Восьмичасовой рабочий день был завоеван повсеместно, но рабочим это не принесло полного удовлетворения, так как с точки зрения законодательства вопрос оставался открытым. Возвращение к работе откладывалось на неопределенное время. Фабриканты и рабочие нервничали. Рабочие начинали осуждать Совет за неспособность ввести восьмичасовой рабочий день законодательным путем. Это лило воду на мельницу большевиков.

Вторая слабость была четко сформулирована в докладе, который 18 марта сделал на заседании секции рабочих Петроградского совета представитель Нарвского района, рабочий Павленков:

«Возвращение на фабрики без предварительного улучшения условий труда заставило рабочих вести хаотическую, неорганизованную экономическую борьбу. В разных местах говорят о необходимости повышения заработной платы... Хотя мы сумели смягчить естественное недовольство масс, однако секция рабочих должна ускорить решение вопроса о минимальном размере оплаты труда».

Павленков указал, что «производительность труда, от которой зависит успех снабжения боеприпасами революционных солдат, недостаточна, поэтому Нарвскому районному Совету рабочих и солдатских депутатов пришлось обратиться к рабочим с призывом проявить сознательность». Не меньшее внимание нужно уделить и проблеме снабжения фабрик сырьем и топливом; «необходимо принять все меры по предупреждению тайного локаута под предлогом отсутствия топлива».

Это полностью описывает общую позицию первых Советов. Они прекрасно понимали чрезвычайные условия военного времени, ощущали свою ответственность, пытались упрочить ситуацию на фабриках за счет защиты интересов рабочего класса в рамках организованной и централизованной борьбы, старались путем переговоров и временных соглашений между центральными органами труда и капитала подготовить распространение таких соглашений на всю Россию и закрепить эти завоевания с помощью законодательства.

Но какова была позиция другой стороны, а именно предпринимателей? Уступки, на которые пошла Петроградская ассоциация промышленников, многие считали признаком «истинно государственного подхода» к решению проблем экономической жизни, возможностью поставить исторические интересы российской промышленности над сиюминутными интересами фабрикантов. Конференция предпринимателей, прошедшая 1 июня, публично заявила, что она будет обсуждать все вопросы «не с классового точки зрения купцов и промышленников, но с точки зрения спасения самой промыш-

ленности и торговли, необходимых для существования здорового государства». Однако весь эффект этого заявления был смазан следующим утверждением: «Финансовое положение многих предприятий делает невозможным продолжение их функционирования, поэтому их закрытие в ближайшем будущем неизбежно». Более явное доказательство бессилия такого «государственного подхода» нельзя себе представить. Складывалось впечатление, что вся эта конференция была искусно замаскированным проектом всеобщего локаута.

Видный капиталист, член советов директоров многих фирм и руководства ассоциаций В.А. Авербах в статье «Революционное общество по личным воспоминаниям», опубликованной в четырнадцатом томе «Архива русской революции», трезво и правдиво описывал собственный класс, который он хорошо знал: «Конечно, об участии торгово-промышленного класса в русской революции можно говорить лишь очень относительно; ко времени революции этот класс только начинался создаваться, купцы и фабриканты едва успели осознать себя представителями социальной группы, имеющей отчетливо выраженную собственную природу и великую историческую миссию». Поэтому «в то время торгово-промышленный класс как таковой еще не выступал на политическом поприще... Одним словом, этот класс был настолько аморфен и политически инертен, что не имел ни собственных представителей в Думе, ни собственной политической программы». Видные представители данного класса либо участвовали в разных думских партиях, либо были равнодушны к политике. «Присутствие среди них большого количества землевладельцев и дворян иногда превращало торгово-промышленный класс в аристократическую касту, которая политически пережила свое время», что «наносило ущерб независимости торгово-промышленного класса».

Классы, которым предстоит исчезнуть с исторической арены, обычно применяют одну и ту же тактику: отчаянное сопротивление. Им не хватает гибкости и приспособляемости, естественной для классов, которые представляют собой не «рудимент», а «живой элемент» данного периода. Союз с дворянством заразил купечество и промышленников той же психологией. Захваченные революцией врасплох, эти последние

с пылом неофитов поняли только одно: они больше не смогут пассивно наслаждаться жизнью под крылом правительства и будут вынуждены защищать свои интересы в одиночку. Авербах описывает лихорадочный пыл, с которым работодатели начали создавать свои воинствующие объединения: «Все было новым, созданным в болезненной спешке... Полный союз всех отраслей производства был достигнут без особого труда»; «дикие», или не включенные в систему, фабрики практически исчезли. «Создание ассоциаций требовало огромных затрат, но средства всегда находились». Тут же появились лидеры; они поспешно обучались, чтобы иметь возможность противостоять своим оппонентам. Они пытались использовать прессу для защиты интересов своего класса, субсидируя (благодаря непониманию, объясняет сконфуженный Авербах) даже «ультрамонархистские и реакционные издания» вроде пресловутой харьковской «Жизни России».

Внезапность возникновения классового самосознания, к которому добавилась политическая незрелость прошлых поколений, быстро заразила класс работодателей психологией странного «индустриально-феодалного максимализма».

Глава 8

КРЕСТЬЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

Российское освободительное движение с самого начала выдвигало лозунги аграрной революции. Еще до отмены крепостного права «властители дум» прогрессивного и критически настроенного авангарда российского общества великий ученый-экономист Чернышевский и блестящий философ-публицист Герцен выступили с теорией «русского крестьянского социализма». Они яростно отрицали законность права помещиков на владение землей, считая институт частной собственности на землю чуждым российской жизни и российской истории. Для них освобождение крестьян *eo ipso* [по определению (*лат.*)]. — *Примеч. пер.*] означало наделение их правом распоряжаться землей, которую те обрабатывали. «Земля» и «воля» были понятиями нераздельными.

- ¹ *Сторожев В.* Правовые основы Особого совещания // *Новости Московского военно-промышленного комитета.* 1915. 30 августа. № 27.
- ² *Суханов.* Записки о революции. Т. 2. С. 306—307.